

Послѣдніе дни Гоголя.

Какъ извѣстно, въ душевной жизни Гоголь подъ конецъ его жизни произошелъ болѣзненный переломъ, въ силу котораго онъ искалъ смерти, моря себя голодомъ. Врачи того времени отличались невѣроятнымъ невѣжествомъ и не только не могли ему оказать существенной помощи, излѣчить его недугъ, но даже не знали, какъ подойти къ такому больному, чтобы его не тиранить.

Вотъ что рассказываетъ очевидецъ о послѣднихъ дняхъ знаменитаго писателя.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ Гоголь слегъ и снова исповѣдался, причастился и пособоровался. Во вторникъ пріѣхалъ Погонинъ съ Альфонскимъ, ректоромъ университета.

— Его надо магнетизировать, чтобы покорить его волю,—сказалъ Альфонскій.

Призвали доктора магнетизера, который и сталъ дѣлать пассы.

— Оставьте меня,—говорилъ, умоляя, Гоголь.

Вечеромъ пріѣхалъ докторъ Клименковъ и сталъ грубо обращаться съ Гоголемъ, кричалъ на него, добивался, что у него болитъ, совѣтовалъ пустить ему кровь и завернуть въ холодныя простыни.

— Оставьте меня,—стоналъ Гоголь съ досадой и отвертывался.

Въ среду—докторскій консилиумъ, который рѣшилъ лечить Гоголя насильно. Его осматривали, давили животъ. Гоголь стоналъ и кричалъ:

— Не тревожьте меня, ради Бога!

Ему поставили пиявки къ носу, посадили въ ванну, несмотря на стоны его, на крики и сопротивленіе. Руки ему крѣпко держали, пока пиявки вволю пили его кровь.

Доктора Оверъ и Клименковъ пріѣхали вечеромъ, обращались съ Гоголемъ, какъ съ сумашедшимъ, орли на него и потомъ велѣли поддерживать подольше кровотечение, ставить горчичники на конечности, мушку на затылокъ, ледъ на голову и внутрь давать отваръ алтейнаго корня съ лавровишневою водою. Клименковъ мять его, ворочалъ, какъ трупъ, лилъ на голову какой то ѣдкій спиртъ и приставалъ съ неумолимостью варвара: „что болитъ? Отвѣчайте! Отвѣчайте же“.

Гоголь молчалъ. Палачи-доктора уѣхали.

Гоголь сталъ бредить:

— Давай пить! Давай боченокъ! Давай лѣстницу, поскорѣй лѣстницу!

Его подняли съ постели, посадили въ кресла, поставили мушку на шею, надѣли рубашку (послѣ ванны онъ лежалъ голый) и вновь положили на постель...

Гоголь стоналъ сначала, потомъ открылъ глаза, которые остановились неподвижно, пульсъ пересталъ биться,

Н. В. Гоголь.

и несчастный захрипѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ пульсъ возобновился, но страдалецъ лежалъ уже безъ движенія на спинѣ, закрывъ глаза. Лицо его осунулось, какъ у мертвеца; подъ глазами посинѣло. Дышалъ онъ тяжело и хрипло. Послѣ полуночи пріѣхалъ опять палачъ Клименковъ, давалъ ему каломель, обкладывалъ его тѣло горячимъ хлѣбомъ и вообще старался...

Гоголь кричалъ пронзительно и стоналъ.

Въ десять часовъ въ четвергъ пріѣхали врачи на новый консилиумъ, но Гоголь не дождался ихъ: въ 8 ч. онъ умеръ.

Народная легенда

о Гоголѣ.

Вскорѣ послѣ смерти Гоголя на его родинѣ, въ Яновщинѣ, среди народа создавалась легенда о томъ, что онъ не умираетъ. Если не ошибаемся, біографы Гоголя не упоминаютъ о ней, хотя она въ свое время появлялась и въ печати. Изъ новѣйшихъ путешественниковъ въ Яновщину тоже, кажется, никто не интересовался, сохранилась-ли эта легенда въ народѣ донинѣ и вообще сохранила-ли память народная какія нибудь сказанія о Гоголѣ.

Легенда, о которой идетъ рѣчь, была записана покойнымъ Г. П. Данилевскимъ, когда онъ, немного времени спустя послѣ кончины Гоголя, ѣздилъ къ матери писателя въ Яновщину.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Яновщины, Данилевскій остановился на хуторѣ Воронянщина. Хозяйка пустилась его спрашивать и охала, рассказывая о томъ, что теперь уже долго не увидитъ Яновскаго пана.

— И никогда не увидишь,—замѣтилъ Данилевскій, съ грустью отвернувшись отъ нея:—развѣ увидишь на томъ свѣтѣ!

— Ни, паночку! То неправда, что говорятъ, будто онъ умеръ! Похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ, а самъ онъ опять поѣхалъ молиться за насъ въ святой Іерусалимъ! Не умеръ, онъ, а уѣхалъ, и черезъ одинадцать лѣтъ опять вернется къ намъ.

„Странная вещь,—воскликаетъ Данилевскій,—сосѣдніе хуторяне, зная, что Гоголь, болѣе четырнадцати лѣтъ жившій за границей, часто и надолго отлучался съ родины, снова, впрочемъ, въ нее возвращаясь, и теперь не хотятъ вѣрить, чтобы онъ умеръ! Многіе изъ нихъ, какъ я узналъ впоследствии, даже гадали по немъ, ставя на ночь, по своему обычаю, пустой горшокъ и сажая въ него паука. Старинные казаки, гадая на своихъ родичей и близкихъ, такъ часто въ былыя времена пропадвшихъ безъ вѣсти, при этомъ полагали:

если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка съ выгнутыми скользкими стѣнками, то человекъ, по которому гадали, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго возложено было хуторянами рѣшить, живъ-ли Рудый-Панько, ночью заткалъ паутиною весь горшокъ и по ней вылѣзъ...

Грустно останавливаться на этомъ—замѣчаетъ Данилевскій—но нельзя не увидѣть въ странномъ упорствѣ сосѣдей Гоголя любви ихъ къ нему. Онъ столько помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ! А сколькимъ нуждающимся сосѣдямъ удѣлялъ онъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, изъ небольшихъ своихъ литературныхъ доходовъ!

Нѣмая сцена изъ „Ревизора“. Рисунокъ Н. В. Гоголя.

Иностранцы о Гоголь.

Отзывы были даны ко дню 50-лѣтія со дня его смерти.

Французы.

Просперъ Меримэ-первый, по времени, французскій писатель, у котораго можно найти критическіе этюды, посвященные Гоголю. Меримэ прежде всего высказалъ мысль, что „если-бы Гоголь писалъ на болѣе распространенномъ языкѣ, то его извѣстность въ Европѣ могла-бы равняться репутации лучшихъ англійскихъ юмористовъ“.

Критику Сентъ-Беву въ сборникѣ произведеній Гоголя, изданномъ въ французскомъ переводѣ Луи Виардо, больше всего понравился „Тарась Бульба“. По его мнѣнію, это шедевръ, единственный въ своемъ родѣ.

Кромѣ Меримэ и Виардо, Гоголя на французскій языкъ переводили академикъ Ксавье Мармье, Гитти, Шаррьеръ.

Виконтъ Мельхиоръ де-Вогюэ въ своемъ „Roman russe“ говоритъ:

„Я предпочелъ-бы сравнить русскаго писателя съ его учителями—и поставить его между Сервантесомъ и Лесажемъ“.

Эмиль Золя далъ слѣдующій письменный отзывъ о знаменитомъ писателѣ.

„Увы! Я недостаточно читалъ Гоголя, я недостаточно его знаю, чтобы высказаться о немъ съ должнымъ пониманіемъ и сочувствіемъ. Но мой великій другъ Тургеневъ очень часто говорилъ мнѣ, какъ глубоко онъ почиталъ авторъ „Мертвыхъ душъ“. И вспоминая о немъ, я посылаю свою братскую дань писателя памяти гениальнаго русскаго романиста, прилагая и свою пальму къ неизмѣримой грудѣ цвѣтовъ, которою почитать ее вся благодарная Россія“.

Эмиль Золя.

Академикъ Ан. Франсъ писалъ:

„Книги г. Мельхиора де-Вогюэ побудили меня познакомиться съ Гоголемъ. Не смотря на жалкій французскій переводъ, я убѣдился, что имѣлъ передъ собою крупнаго, выдающагося писателя. Несомнѣнно, чтобы его хорошо понять, надо знать русскую

жизнь, а можетъ быть, и русскій языкъ. Къ сожалѣнію, мнѣ это не дано. Но какъ я ни мало знаю Гоголя, этого для меня достаточно, чтобы съ большимъ удовольствіемъ присоединиться (adhérer) къ юбилейнымъ празднествамъ въ его честь“.

Анатоль Франсъ.

„Я читаю изъ Гоголя все, что имѣется въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Диккенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это---замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживавшій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго челоѣка и особыхъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраиваютъ нынѣшнія торжества въ честь Гоголя“.

Жюль Кларети.

дѣи и помню только ея замѣчательныя достоинства. Да, Гоголь былъ великимъ писателемъ и чествовать память такого писателя—долгъ всякаго образованнаго общества“. Викторьенъ Сарду.

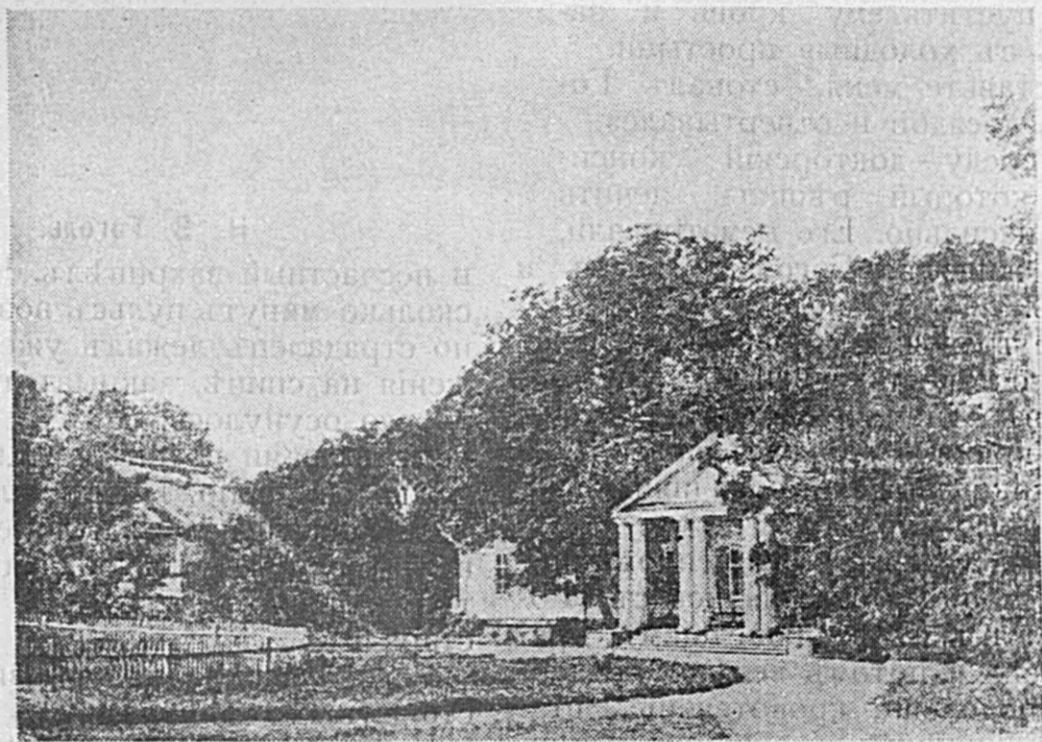
„Отъ всего сердца присоединяюсь къ чествованіямъ, которыми Россія должна почитать память Гоголя. Онъ былъ однимъ изъ величайшихъ живописцевъ челоѣческой жизни. Ему принадлежитъ по праву мѣсто рядомъ съ Лесажами, Бальзаками, Альфонсами Додэ. Я жалѣю только объ одномъ,—а именно, что онъ былъ такъ плохо переведенъ на нашъ языкъ“ Луи Луисе.

Анатоль Леруа-Болье высказалъ, что Гоголь былъ первымъ русскимъ писателемъ, котораго онъ научился понимать и цѣнить.

— Я въ Гоголѣ больше всего цѣню бытописателя. Онъ много помогъ мнѣ понять и изучить Россію, въ особенности русское общество.

Сенаторъ Альфредъ Рамбо, членъ института, бывший министръ народнаго просвѣщенія, авторъ „Histoire de Russie“, заявилъ:

— Въ Россіи литературные юбилеи слѣдовало-бы устраивать почаще—не каждые пятьдесятъ, а каждые десять лѣтъ. Эти торжества будятъ общественное самосознаніе, заставляютъ думать, а также съ благодарностью оглядываться назадъ и съ бодростью смотрѣть впередъ. Русское общество многимъ обязано своей литературѣ. У него были великіе писатели, есть и—нѣтъ основанія въ этомъ сомнѣваться—и будутъ. Гоголь вполне заслуживаетъ почетнаго мѣста среди лучшихъ европейскихъ писателей. А

Домъ въ Яновцѣ нѣ, гдѣ Гоголь провелъ большую часть жизни.

„Если вѣрить моей „Энциклопедіи“ Гоголь былъ больше романистомъ, чѣмъ драматургомъ. Но я его знаю только по „Ревизору“, котораго я видѣлъ въ исполненіи театра „Oeuvre“. Я забылъ недостатки коме-

для русскихъ литераторовъ онъ долженъ оставаться учителемъ.

Нѣмцы.

„Тѣ сочиненія Гоголя, которыя переведены на нѣмецкій языкъ, я чи-

таль съ удивленіемъ и восторгомъ. Но я не на столько знакомъ съ этимъ писателемъ, чтобы позволить себѣ имѣть о немъ собственное мнѣніе“. *Д-ръ Артуръ Шнитцлеръ.*

„Гоголь!.. Такое имя носило путешествие въ незнакомую мнѣ страну, въ дни моей юности, путешествие веселое и захватывающее, какъ это всегда бываетъ съ первыми путешествіями. Руссіе писатели заставляютъ насъ всѣхъ все чаще и чаще очищать имъ дорогу. Во вселенскомъ совѣтѣ умовъ эти писатели все громче и громче возвышаютъ свой голосъ. То, что въ другихъ странахъ не всегда чисто плотные политики по призванію стараются внушить народу, то въ Россіи дѣлаютъ дѣйствительно честно писатели. Вотъ почему они живутъ и внѣ своей страны, и внѣ своей жизни въ почетѣ и памяти людей. Такого народнаго представителя мы и привѣтствуемъ въ лицѣ Гоголя“. *Теодоръ Герцль.*

„Простите меня великодушно, если я не послѣднюю вашему дружескому предложенію высказаться о Гоголѣ. Я пишу по принципу только о музыкѣ, а главное, долженъ, къ стыду своему, сознаться, что, хотя имя Гоголя и знакомо мнѣ, но я ни одной его книги не прочиталъ. Поэтому я врядъ-ли достоинъ попасть въ вашу анкету“. *Эдуардъ Гансликъ.*

Итальянцы:

„Я принимаю живѣйшее участіе въ чествованіяхъ выдающагося писателя и драматурга Николая Гоголя, писателя, который своими произведеніями, своими комедіями внесъ въ литературу и на сцену прекрасное правды. Я восторгаюсь имъ, и въ каждомъ, кто исповѣдуетъ культъ классическаго искусства, поднимаетъ самъ собой этотъ восторгъ, потому что, по моему убѣжденію, и въ произведеніяхъ героическихъ необходимо слѣдовать правдѣ той эпохи, въ которой жили ихъ герои. Во всякое время и во всѣхъ литературныхъ жанрахъ „истинно прекрасное“, всегда находило себѣ надлежащую оцѣнку, и вотъ почему я считаю своимъ долгомъ воздать хвалу памяти великаго поэта Николая Гоголя“. *Томазо Сальвини.*

„Николай Гоголь является для меня истиннымъ выразителемъ русской души въ искусствѣ, инициаторомъ въ дѣлѣ раскрытія передъ нами того сѣвернаго міра, котораго мы до него не знали, и который наполняетъ насъ изумленіемъ и восхищеніемъ“. *Матильда Серао.*

„Гоголь былъ преемникомъ Аристофана въ смѣлой сатирѣ. Для Россіи онъ былъ предшественникомъ Толсто-

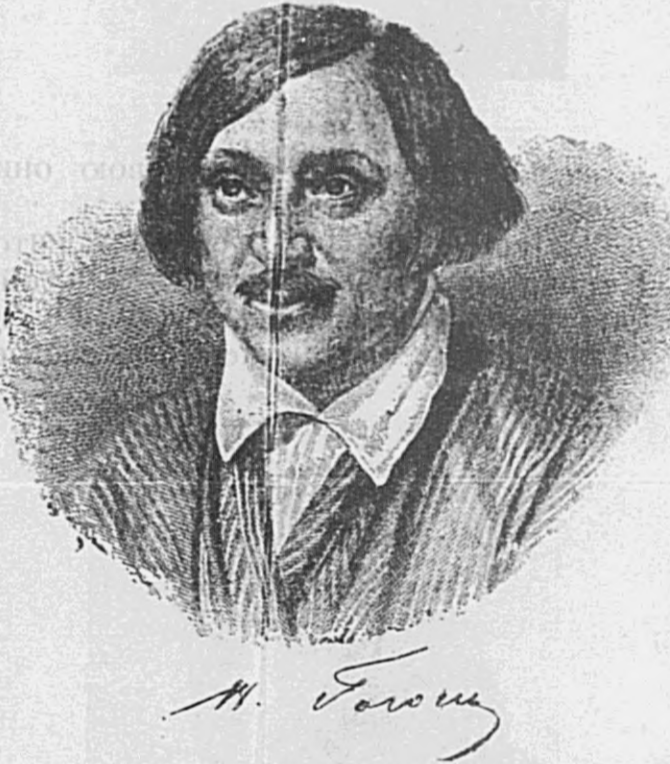
го въ проповѣди возрождающей морали“.

Робертъ Бракко.

„Николай Гоголь вкладываетъ въ уста одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ слѣдующія слова: „Скоро будетъ больше исписанной бумаги, чѣмъ товару, чтобы въ нее завертывать“. Но онъ вложилъ въ свои страницы столько оригинальнаго, и онъ перейдутъ вмѣстѣ съ его именемъ къ потомству“. *Дж. Верга.*

„Гоголь, который, создавъ „Мертвья души“, умеръ, уничтоженный у ногъ того колосса, ошибки котораго вскрывалъ, представляетъ собою величайшее современное доказательство болѣзненности гения“. *Ч. Ломброзо.*

Отъ всего сердца присоединяюсь къ тѣмъ почестямъ, что воздаются теперь въ Россіи благородному пѣв-

Н. В. Гоголь въ бытность его за-границей, съ портрета худ. Иванова.

цу „Мертвыхъ душъ“ и Тараса Бульбы, которымъ я обязанъ многими очаровательными часами моей ранней юности. *Антоніо Фогаццаро.*
Виченца, 22-го февраля 1902 г.

О Гоголѣ.

Изъ дневника неизвѣстной дамы.

В. Шенрокъ получилъ дневникъ неизвѣстной особы женскаго пола, посвященный пребыванію Н. В. Гоголя въ Одессѣ въ 1850 г. Онъ бывалъ тогда довольно часто у кн. Гагарина-Стурзы и у княгини Волконскихъ. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого дневника.

Обѣдалъ Ильинъ. Начнетъ хвалить какого-нибудь автора, превознесетъ до небесъ, и объ земь. Долго хвалилъ „Тяжбу“ Тургенева, а потомъ кончилъ тѣмъ, что, „конечно, безъ „Ревизора“ эта пьеса не существовала-бы“. Прежде нежели онъ сказалъ это, Гоголь сказалъ: „Нельзя кому-нибудь его прочесть?“ Княгиня подхватила: „Да вы сами!“ Князь туда-же, Ильинъ тоже, я спер-

ва потихоньку княгинѣ, потомъ въ слухъ: „Слишкомъ много чести Тургеневу!“ Гоголь на князевы слова было сказалъ: „Почему-жъ!“ но потомъ отклонилъ: „Вѣдь я лѣнивъ: я бы лучше послушалъ!“

1 января 1851 г. Я: „Въ какія лѣта вы выучились читать?“ Гоголь: „Я думаю, какъ и всѣ, лѣтъ въ семь. Но вѣдь васъ не очень много занимали? нѣтъ! зачѣмъ! Все дѣло въ томъ, чтобы заохотить ребенка учиться, а ужъ тамъ и не заботиться. Я долго не говорилъ, до 3 хъ лѣтъ, но ужъ я потомъ говорилъ: рцы, слово, твердо“.

Читали какъ-то ком. Мольера „Агнеса“ „Ecole des femmes“.

Гоголь такъ вошелъ въ роль отвергнутаго старика, такъ превосходно выразилъ горько-безнадежныя страсти, что все смѣшное въ старикѣ исчезло: отзывалась одна несчастная страсть, такъ что послѣдній отвѣтъ Агнесы кажется не умѣстнымъ. Немного великодушія, съ чѣмъ и Гоголь согласился. Гоголь былъ внѣ себя. Лицо его сдѣлалось какъ у испуганной орлицы. Онъ долго былъ подъ вліяніемъ страстныхъ думъ, можетъ быть, разбуженныхъ воспоминаній.

14 января. Послѣ того, какъ Гоголь былъ два раза (одинъ разъ по утру), я была больна. Съ нимъ былъ ознобъ въ продолженіи двухъ дней. Дитерихсъ сказалъ ему, что до этого нельзя допускать, что это—предшествованіе удара. Какъ-то Гоголь говорилъ о семействѣ Капниста: воспитывались дома и болѣе изъ разговоровъ отца учились всему. Еще разъ онъ говорилъ: „Еще не догадались, что нѣтъ добра въ томъ, чтобы слишкомъ занимать дѣтей“.

22 января. Четыре дня сряду былъ Гоголь; обѣдалъ исключая одного дня, въ который былъ вечеромъ (19-го, въ день рожденія княгини). Вчера онъ былъ сонный. Говорили объ открытіяхъ. Онъ бранилъ лампы. Я сказала: „А сколько нововведеній на моей памяти! Шоссе и дилижансы отъ Москвы до Петербурга, стеаринъ, дагерротипъ“.—Гоголь: „И на что это все надобно? Лучше-ли отъ этого люди? Нѣтъ, хуже!“—Я: „Я рада была стеарину, чтобъ не снимать со свѣчи изъ лѣни“. Онъ: „Да“.

Гоголь: „Дибича солдаты звали „Самоваръ большой“. Онъ былъ уменъ, но не олень“. Я: „А Паскевичъ?“—Онъ: „Этотъ вотъ какъ уменъ, очень просто: онъ не начнетъ никакого дѣла, не приготовивши провіанту на три мѣсяца. Онъ—главное—думалъ о довольствѣ солдатъ, а другой, ничего не приготовивши, начнетъ“.

20-го. Читалъ Одиссею. Я не узнала первой главы: такъ прекрасна она лнѣ показалась, пройдя черезъ его голосъ, языкъ, душу и физиономію. Онъ не дѣлалъ жестовъ, но подомно диванъ дрожалъ, на которомъ

Ноздревъ.

онъ сидѣлъ подлѣ меня.—Гоголь: „Русскій, если что знаетъ, то дѣлается педантомъ“.

21 января. Гоголь: „Я прежде любилъ краски, когда очень молодъ былъ“. Я: „Да, вы могли-бы быть живописцемъ. А прежде что любили?“ Гоголь: „А прежде, маленькимъ, еще карты“.—Я: „Это, значитъ, дѣятельность духа“. Гоголь: „Какая дѣятельность духа! Поль-Россіи только и дѣлается. Это бѣздѣйствіе духа!“

24 января. М-те Гойеръ выѣхала съ вопросомъ: „Скоро-ли выйдетъ окончаніе „Мертвыхъ Душъ“—Гоголь: „Я думаю—черезъ годъ“. Она: „Такъ онѣ не сожжены?“ (Приэтихъ словахъ я убѣжала). Онъ: „Да-а-а!.. Вѣдь это только нача-а-ло было...“ Онъ былъ сонный въ этотъ день отъ русскаго обѣда.

Говорили о пожарѣ въ домѣ Иннокентія. Гоголь: „Пушкинъ всегда ѣздилъ на пожары и любилъ смотрѣть, какъ кошки ходятъ по раскаленной крышѣ. Пушкинъ говорилъ, что ничего нѣтъ смѣшнѣе этого вида“. Гоголь: „Въ самомъ дѣлѣ, жалко бѣдныхъ!“ Но тутъ и „самомъ дѣлѣ“ и „жалко“ не идутъ къ словамъ Пушкина. Въ нихъ высказывается душа Гоголя, тогда какъ въ тѣхъ словахъ высказывалась душа Пушкина. Въ „Арапѣ Петра Великаго“ вдругъ dissonance: „по несчастію, при дворѣ регента не было лицемѣрія“. Врядъ ли лучше было-бы отъ лицемѣрія. Часто меня Пушкинъ такъ по сердцу деретъ, Гоголь-же—никогда. Иногда онъ живо представитъ, какъ говорила м-те Гойеръ грязные предметы, и такъ живо, что носъ зажмешь или отвернешься, но нравственное чувство никогда не бываетъ оскорблено.

Гоголь: „Я не проповѣдникъ! Не мое дѣло судить. Я мнѣніе свое могу сказать, но полное, обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бываетъ, что не умѣетъ хорошо на словахъ высказать свою мысль. Если-бъ я умѣлъ хорошо высказать свою мысль, кто-бъ велѣлъ мнѣ писать?“

1 февраля. Мы какъ-то одни остались. На прежде изрѣченную имъ брань французовъ я сказала: „Я не

могу не любить французовъ, французскими книгами выкормлена и вспоена. Все французское: и моды, и тонъ“. Гоголь: „Да, правда, что Франція для васъ другая родина“. Нынче мы одни говорили объ англичанахъ. Гоголь: „Странно, какъ у нихъ всякій человекъ особо и хорошъ, и образованъ, и благороденъ, а вся нація—подлецъ;

Плюшкинъ.

а все потому, что родину свою они выше всего славятъ“.

О Пушкинѣ: „Но я увѣренъ, что Пушкинъ-бы совсѣмъ сталъ другой. Онъ хотѣлъ оставить Петербургъ и уѣхать въ деревню; жена и родные

Чичиковъ.

уговорили остаться“. Я: „Если-бъ жена была повыше, ничего-бы не вышло“. Гоголь: „Повыше, все такъ... Но онъ самъ ее ввелъ въ общество“. Я: „Она была прескромная въ дѣвушкахъ, но не умна. Дочь Пушкина сердится, когда скажутъ, что она похожа на отца“.—Гоголь: „Это не дѣлаетъ чести матери. А, можетъ быть, и неправда“.

Вчера послѣ обѣдни я спрашиваю: „скажите, нѣтъ-ли гдѣ вашего портрета?“ Гоголь: „Кажется, нѣтъ. Впрочемъ, поискать, не найдется-ли между уродами“.

Третьяго дня онъ сталъ говорить, что, наконецъ, бросятъ города и станутъ жить въ деревняхъ, что бросятъ такія покойныя мебели (sic), которая купили для здоровья, и полюбить простоту. Если онъ будетъ себѣ дѣлать мебели, то сдѣлаетъ ихъ деревянными“.

Собакевичъ.

Мелочи о Гоголь.

Рѣдкій экземпляръ „Ревизора“.

У К. С. Алексѣева-Станиславскаго имѣется интересный экземпляръ комедіи „Ревизоръ“, изданія 1836 г. На первомъ листѣ рукой Гоголя надписано: „Моему доброму, безцѣнному Михаилу Семеновичу Щепкину отъ Гоголя“. Пьеса испещрена замѣтками и сокращеніями, сдѣланными авторомъ. Экземпляръ этотъ перешелъ къ настоящему владѣльцу отъ М. В. Лентовскаго, который получилъ пьесу когда жилъ въ семьѣ Щепкина еще юношей.

Два „подлинныхъ“ кресла Гоголя.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ дни чествованія памяти Гоголя по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины, сразу объявилось два владѣльца двухъ „подлинныхъ“ креселъ, въ которыхъ умеръ Гоголь. Одно у г. Гиляровскаго, а „другое“ у г-жи Рубаковой которая заявляла, что это „подлинное“ кресло надарено Толстымъ отцу ея мужа и хранится у нея. Въ которомъ изъ нихъ умеръ Гоголь и умеръ-ли онъ въ одномъ ихъ нихъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Реликвиі Гоголя.

Кромѣ огромнаго количества писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ и къ его сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, а также нѣкоторыхъ предметовъ домашняго обихода, наиболѣе цѣнными вещами, напоминающими о Гоголѣ являются:

Серебрянный, съ чернью и золотомъ, тѣльный крестъ-складень, снятый съ поэта послѣ смерти; прядь русыхъ волосъ, заплетенная вокругъ золотого кольца; печать-штемпель, сдѣланная въ Италіи, съ вырѣзаннымъ на ней „Gogol“; пальмовая трость, привезенная Гоголемъ изъ Іерусалима; священное іерусалимское мыло; палитра для акварельныхъ красокъ; черный фракъ Н. В. Гоголя; гербарій изъ полевыхъ цвѣтовъ, собранныхъ поэтомъ въ Васильевкѣ (на первой страницѣ рукою Гоголя сдѣлана надпись).